

Снегу

1

Давай кружи, Кружилин,
по улицам с утра.
Давай круши, Крушилин, —
пришла твоя пора.
Давай верши, Вершилин,
свой беспощадный суд
за все, что совершили
мы ненароком тут...

2

Весь день трусишь усердно сито.
Да нам с того не больно сыто.
Ну, в лучшем случае снежков
налепим, а не пирожков.
Снежков налепим — бой устроим:
через минуту все герои,
а тот, кто раньше всех убит,
в кофейне за углом сидит.
Пьет сбитень суздальский с корицей,
грибной закусывает пищей
и в ус не дует, сукин сын,
за крайним столиком, один...

3

Куда ты на ночь глядя
в салопчике с дранцой?
Опомнись, Бога ради,
опомнись, Бог с тобой.
Не видишь, люди — звери:
наружу лисий мех,
перед тобою двери

захлопнуты у всех.
И что тебе, сердешный,
осталось в этот час?
Плутать во тьме кромешной,
фонарный шуря глаз?
Ну что ж, давай, Кружилин,
по улицам кружи,
давай-давай, Крушилин,
свирепствуй и круши,
давай верши, Вершилин,
свой беспощадный суд
за все, что совершили
мы ненароком тут...

4

Давай на два голоса,
ты — за окном,
во мраке кромешном,
как деготь, густом,
а я, — на пол сев,
к батарее
спиной прислонившись,
чтоб было теплей,
давай про звезду
серебристых полей,
которая светит и греет.
Давай заводи
потихоньку, старик,
о том, что в степи
замерзает ямщик,
что скатертью белой
дорога,
что снова собирается
вещий Олег
отмстить и что саваном
искристый снег
лежит,
расстилаясь широко.
Давай на два голоса...

5

Ну, что, лежишь? На тонких ветках,
на шишечках литых оград,
на рабицах — провисших сетках,
на крышах, плоских и впокат,
на узких сталинских балконах
обеих «Серых лошадей»,
на мачтах, на скалистых склонах,
на урнах парковых аллей,

на парапетах и перилах,
на фонарях и проводах,
на отъезжающих машинах
на главпочтамтовских часах,
у Ленина на серой кепке,
которая в его руке.
Как будто гипсовые слепки
Ильич сжимает в кулаке...

6

Так проходит
мирская слава.
Будто лес
прошлогодного сплава
почерневших сугробов торцы.
И ручьи врассыпную,
как мыши.
И сосульки
под каждой крышей
словно римской
волчицы сосцы...

Мартовские октеты

I

Снег падал на поля вчера весь вечер косо,
и вот теперь земля и лес простоволосый,
который на холмах, как будто бы в торосах.
Береза. Веток взмах. Обрывки облаков.

И если ты сошел на тихом полустанке,
то будет хорошо пройти до той полянки,
где лужица блестит осколком желтой склянки,
где воробьев синклит вспорхнул и был таков.

II

И все-таки весна. Двух дятлов перестрелка.
Высокая сосна. Наверх взмывает белка,
как по флагштоку флаг. И греет, словно грелка,
потертый анорак. И солнце в спину бьет.

И все, к чему оно притронется Мидасом,
теперь обречено быть плотью, свежим мясом
иного бытия. А воздух пахнет квасом.
Проселок. Колея. Засохшей глины шрот.

III

А далее — гора, отвесна и высока.
Шуршит сосны кора, как под горой осока.
Скрипит высокий ствол. «Кия!» — кричит сорока.
Мир, как младенец, гол и, как младенец, чист.

Таков, как был до нас. Таков, как будет после.
Сквозь ветки шурит глаз довольный рыжий ослик.
Все правильно, дружок. Мы постояли возле.
Вздохнем на посошок. Как пахнет прелый лист!

Октеты клеста

I

Душа моя пуста, как мартовская роща,
где облака стоят, как в бухте корабли,
где вечер от куста к кусту бредет на ощупь
на огонек клеста, мелькнувшего вдали.
Ах, этот рыжий клест, фонарик рощи мгlistой,
собрат далеких звезд и сосен кровный брат,
встающий в полный рост в кустарнике тернистом
голштинского полка отставленный солдат.

II

И что же нам теперь скитаться бесконечно,
чтоб на закате дня, а может дней, как знать,
как в запертую дверь случайной чебуречной,
в твердыню скорлупы стучать, стучать, стучать?
Пока не повезет (почти уже некстати).
И так из года в год, кедровую смолой
пропитываясь, как подлесок на закате, —
тягучей, будто мед, янтарной полумглой.

III

О сумерки души! Хруст веток под ногами,
размытые стволы, и вдруг один из них, —
отчетливо ребрист, как барабан в нагане, —
у самого лица, и нет уже других,
и где она, тропа? и нет ее в помине,
а если и была, ушла, петляя, в лог,
и вечер, как смола, застыл на ветках синих,
и был ли он, клеста мелькнувший огонек?

Катрены Царского Села

I

Два этажа, и не больше,
может быть, где-то три,
вроде стручковых горошин
желтые фонари —

II

Улица Средняя. Вечер.
Рыжеволосая ель
смотрит, как ставят свечи
на столики в Daniel.

III

Кушают пасту и стейки,
пьют и в окно глядят:
вот он сидит на скамейке,
как и сто лет назад.

IV

Выгрузились туристы.
— Kommen wir? — Ja. — Sehr gut!
Шумные, как лицеисты,
мимо Лицея идут.

V

Золотом легкой соломы
в окнах дворцовых свет.
Марты Скавронской дома
три века уже как нет.

VI

Вот и шатаются парком,
видя вдали Эрмитаж.
Мимо, шинами шаркнув,
прокатится экипаж.

VII

Над головой возницы
небо, тучка, стрижи.
Свесив до пят косицы,
лиственницы хороши.

VIII

Броуновское движение
праздношатаев в саду.
Сумерки. Отражение
Верхней ванны в пруду.

IX

Эхо далекого смеха,
в окнах флигеля — медь.
...Вот куда стоит приехать,
чтоб умереть.

Катрены соляных садов

I

Блестящие, будто льняные,
ручьи и потоки везде.
Дворы, как сады соляные,
стоят по колена в воде.

II

И снег на высоком откосе
рассыпчат, как соль, оттого,
что солнце склонившимся лосем
все лижет и лижет его.

III

И пьет, отражаясь, из лужи,
в которой стоят облака
и льда серебрятся калужьи,
лоснящиеся бока.

IV

Теперь-то уж я не забуду,
чем славится март молодой:
сады соляные повсюду —
рассыпчатый снег под водой.

V

Из копей январских и штолен
копившего снег февраля
добытою солью посолен
мир щедро. Чернеет земля

VI

горбушкой на влажном пригорке;
как мякиш, чернеет вдали.
Вкус жизни — соленый и горький —
смешался со вкусом земли.

VII

И наземь с березы синица
слетает опять и опять,
как будто всю соль, до крупичицы,
для Золушки нужно собрать.

Танго-сюита имени Бориса Поплавского

1. Черная свадьба

Дождь прошел, и зеленые кроны,
как мохито со льдом, засверкали.
В этих кронах орали вороны,
будто черную свадьбу справляли.

В черных фраках, муаровых лентах
кавалеры, нет, кавалергарды:
крылья грузные — как эполеты,
клювы грозные — будто кокарды.

С белоснежным лицом юной гейши
и червями источенным телом,
улыбаясь улыбкой милейшей,
Смерть-невеста меж ними сидела.

И с улыбкою светлою тоже,
в твид двубортный и галстук одетый,
на атласном супружеском ложе
ждал жених ласки черной Одетты.

И слетела она не дурнушкой —
полногрудой японской голубкой.
И присела к нему на подушку,
распахнув черный хвост, будто юбку.

Музыканты играли Шопена.
Лабух плакал на черном кларнете.
Облаков белоснежная пена
оседала, и бегали дети.

Это было вчера на Стромынке,
у Бахрушинской, в самом начале.
Моцареллою свежей простынки
на поникших веревках рыдали.

И орали вороны, орали
что-то из миннезингерских арий
и, слетая на землю, клевали
тело голубя на тротуаре.

2. Падший ангел

Падший ангел сидит на скамейке весеннего парка.
За щекой карамель, а в глазах ледяная тоска.
Падший ангел снимает свой твидовый плащ — ему жарко,
плащ свой твидовый цвета морского с прибором песка.

И тогда на груди открывается страшная рана —
роза красная, *rosa candida* убитой любви.
И тогда извлекается жалкой рукой из кармана
бумазейный платок, весь в слезах и невинной крови.

Дворник с бляхою шаркает черной метлой по дорожкам,
подметаает окурки раздумий, надежд и тревог.
Карапуз на коленях у няни, как будто на дрожках,
засыпает и видит, что он — это Бог.

Он стоит на вершине, вокруг него райские кущи,
где красивые птицы поют на семи языках.
Падший ангел подходит к нему, говоря: «Вездесущий,
ты прости меня, я так устал быть изгоем в веках».

И светлеет у ангела лик его темный с прыщами.
И прощает его тот, у чьих он склоняется ног,
и прощает его, и прощает его, и прощает,
и прощает его, ибо каждый прощающий — Бог.

И бегут они, мальчик и ангел, касаясь руками,
по лугам изумрудным, Элизиум смехом будя,
и резвятся они, и болтают друг с другом стихами —
падший ангел и ставшее Богом дитя.

И лежат облака перед ними, как в море атоллы,
облака грозовые, и где-то в Сантьяго дожди,
под навесом на сцене звучит «Либертанго» Пьяццоллы —
махаон перламутровый так и взлетел бы с груди.

Он взлетел бы! Но жизнь — это все-таки скучная проза.
Просыпается мальчик у няни, задумчив и тих.
На дорожке платок, на скамейке увядшая роза.
В небе серые голуби. Белого нет среди них.

3. Прощание с Мореллой

В этот час, когда веранды ресторанов
заполняются вечернею толпой,
и, как лебеди, кричат катамараны,
и о скалы разбивается прибой,

а на небе карлик солнце, багровея,
воспалается, как Полифема глаз,
отразивший алый мак в руке Морфея,
в этот поздний для прогулок, крайний час,

ты идешь по пляжу босиком, Морелла,
беззаботное и смуглое дитя,
ветерок как будто лепит твоё тело,
мягко складками хитона шелестя.

И смолкают даже циники в буфете,
проводя взглядом твой наивный стан.
О Морелла, говорят, на белом свете
есть немало удивительнейших стран.

Вон стоит высокий лайнер у причала,
белоснежный, будто чайка на волне.
Он в Австралию отправится сначала
и в конце концов окажется на дне.

Осьминоги, каракатицы и скаты
станут жителями палуб и кают,
каулерпою покрытые канаты
задевая, как лианы, там и тут.

И над мачтой, где огонь святого Эльма
обещал спасенье и удачу впрок,
остановится, светясь, таранца бельма,
рыба-призрак, золотой опистопрокт.

Глазом сложным разглядит он в донном иле
руку милую, хватавшую консоль.
О Морелла! Это лучше, чем в могиле,
как забытая на почте бандероль...

4. Смерть Бучеры

Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!
Хоть поначалу не было знака, не было даже намека.
Как из ведра, как из бочки железной лил накануне ливень,
как и любил покойный Бучера больше всего на свете.

Струи хлестали, хлопали ставни, капли долбили камни,
все мостовые реками стали, ветер скакал по скатам
и пригибал деревья и мачты шхун и фелюг рыбацких,
сами собою на колокольне колокола звонили,

мчались коляски, брызги в прохожих из-под колес летели,
как обезумев, с гиком возницы мокрых коней хлестали,
окна звенели в лавке и громко лаялись две сеньоры —
всё, как любил покойный Бучера больше всего на свете.

Нищие, паперть покинув, скакали на костылях к воротам.
Вслед им раскаты грома катились, как по камням сентаво.
Молний клинки о кресты ломались на городском кладбище,
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

Вот оно, солнце, каким бывает, тетушка Кармелита.
Сколько сегодня яркого света на небесах разлито!
Окна и лужи светом играют, точно мячом, в пелоту.
Чайки, весело перекликаясь, машут «Счастливо!» флоту.

И напевают лоцман и боцман, даже колодник в трюме:
«Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!»
Умер Бучера, и на лужайке в парке жарят асадо.
Льются мальбек и цереза рекою, нет! уже водопадом.

Как обезумев, с гиком возницы возят весь день задаром.
Флейта смеется, труба хохочет, бандонеон и гитара!
И до заката пляшут милонгу, слушают «Кумпарситу».
Вот оно, счастье, каким бывает, тетушка Кармелита.

Милая тетушка, но почему же в черное ты одета?
И почему ты горькие слезы льешь всю ночь до рассвета?
Горькие слезы льются и льются, дождь набирает силу
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

Октеты в новом ноябре

I

Я люблю эту жалкую осень,
этот прах облетевшей листвы,
эту бледную, слабую просинь
вместо яркой, густой синевы,
эти мысли о том неизбежном,
что случится однажды со мной,
как листок, задержавшийся между
этим небом и этой землей.

II

Я люблю приближень морозов,
чтобы дрожь — по лесной голытьбе,
чтоб закат — фиолетово-розов,
будто кровь запеклась на губе,
чтоб, при свете дневном от вокзала
отойдя, электричка потом,
как в туннель, в синий сумрак въезжала
и чтоб сумрак густел за окном.

III

Я люблю эту первую темень
в оконцовке ноябрьского дня,
где могу разговаривать с теми,
кто ушел навсегда от меня,
где как будто уже вместе с ними
я иду, никуда не спеша,
где мое позабытое имя
чья-то добрая вспомнит душа.

Октеты в ожидании Годо

I

Под сенью торговых рядов
с утра разложив свой хламожник,
сидит в ожиданье Годо
китайский холодный сапожник.
Терзает беднягу вопрос,
точнее, вопрос из вопросов:
а что если все, как Христос,
ходить по земле будут босы?

II

Годо бы ответил, но нет.
Сперва ему нужно в печати
порыться, устроить совет
семейный, и кое с кем в чате
списаться, и банковский счет
проверить за утренним кофе.
И только тогда он придет,
босой, как Христос на Голгофе.

III

А, в общем, неважно когда
придет он, босой иль обутой.
Все знают о том, что года
ничуть не длинней, чем минуты,
что если сапожнику нож
не дать, то беда с башмаками,
что, Авеля если зовешь,
всегда отзывается Каин.

